

УДК 811.11:81

ЯВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Т. В. Дроздова

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
tanuzelenskaya@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению роли когнитивного диссонанса как одного из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства. Важнейшей задачей в сфере литературно-художественного творчества является согласование концептуальных систем автора и читателя на основе процесса создания адекватной авторской картины мира в сознании адресата. Несогласованность лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести к реализации когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель».

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когниция, речевое взаимодействие, интерпретация, понимание, концептуальная система, диалог «автор – читатель».

Согласно теории когнитивного диссонанса, в рамках которой в последнее время проводятся активные разыскания исследователей, смежных с языковедческой наукой областей, считается, что существует комплекс знаний об объектах и людях, названный когнитивной системой, которая может быть разной степени сложности, согласованности и взаимосвязанности. При этом сложность когнитивной системы зависит от количества и разнообразия включенных в нее знаний [10, с. 11].

Когнитивный диссонанс понимается как любое несоответствие между когнициями, т. е. между знаниями, мнениями или убеждениями, относящимися к окружению либо поведению людей. Появление диссонанса, дискомфортного в психологическом отношении, заставляет человека осуществить попытку нейтрализовать его и добиться консонанса – соответствия когниций, в первую очередь на уровне речевой коммуникации [1, с. 10].

Именно этим фактом обусловлено обращение к данной проблеме с точки зрения ее реализации в языковедческой науке. Когнитивный диссонанс представляет собой универсальную категорию речевого взаимодействия, содержательной сущностью которой является несоответствие между когнициями коммуникантов, находящее свою репрезентацию на уровне языкового выражения. В этом смысле когнитивный диссонанс может рассматриваться как когнитивно-коммуникативная категория.

В процессе рассмотрения реализации когнитивного диссонанса на уровне речевого взаимодействия в англоязычном художественном дискурсе нельзя вместе с тем обойти вниманием художественное пространство произведения – особый виртуальный мир, в котором отражена специфика литературно-художественного творчества автора.

Понятие художественного пространства коррелирует с идеей Д.С. Лихачева о внутреннем мире произведения словесного творчества. По мнению ученого, внутренний мир произведения словесного искусства обладает известной художественной цельностью. Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некой определенной системе, художественном единстве [6].

Согласно В. В. Виноградову, мир художественного произведения является результатом и верного отображения, и активного преобразования действительности. Строительные материалы для построения внутреннего мира художественного произведения, по мнению ученого, берутся из действительности, окружающей художника,

но создает он свой мир в соответствии со своими представлениями о том, каким этот мир был, есть или будет [2, с. 76].

Художественное произведение, как подчеркивает исследователь, представляет собой целостное эстетическое единство. Такой подход опирается на понимание внутреннего единства словесно-художественной структуры произведения, его композиции, развития сюжета, структуры образов и т.п. [Там же. с. 5].

Учитывая приведенные выше положения, определим роль ситуаций когнитивного диссонанса в контексте литературно-художественного произведения. Обратимся непосредственно к материалу и рассмотрим новеллу С. Фицджеральда «The Baby Party» («Детский праздник»). События разворачиваются на дне рождения маленького Билли, куда приглашены мамы со своими малышами. Веселый праздник оборачивается ссорой двух мам из-за детей и дракой их отцов, вступившихся за своих жен.

Прежде всего, проанализируем реализацию явления когнитивного диссонанса на уровне речевого взаимодействия людей. В этой связи необходимо уточнить, что диссонантные ситуации могут возникать как следствие экстралингвистических факторов, так как в языке и речи выражается реакция людей не только на соответствующую речевую, но и на экстралингвистическую ситуацию.

В рассматриваемом материале экстралингвистической причиной возникновения когнитивного диссонанса явилось поведение одной из приглашенных девочек, Эдди, по отношению к виновнику торжества. В словесно-художественной ткани текста мы находим на это прямое указание: «Ede had obtained Billy's teddy-bear by pulling it forcibly from his arms, and on Billy's attempt to recover it, she had pushed him casually to the floor. ... Suddenly, encouraged by the success of her former half-accidental manoeuvre, Ede dropped the teddy-bear, placed her hands on Billy's shoulders and pushed him backward off his feet».

Развитие диссонантной ситуации происходит уже с участием родителей детей: «Immediately the room was in confusion. With an exclamation Markey hurried to his son, but his wife was first to reach the injured baby and catch him up into her arms.

'Oh, Billy,' she cried, 'what a terrible bump! She ought to be spanked.'

Edith, who had rushed immediately to her daughter, heard this remark, and her lips came sharply together.

'Why, Ede,' she whispered perfunctorily, 'you bad girl!'

По мнению исследователей, когнитивный диссонанс возникает по причине разногласий во мнениях людей, несоответствия действия ожиданиям других лиц, а также несовпадения личных убеждений с требованиями нормативной регуляции вследствие существенных социокультурных различий [1]. Обращаясь к текстовому материалу, формализующему дискурсивные характеристики данного произведения, мы можем выявить следующие доказательства наличия когнитивного диссонанса.

Из повествования становится ясно, что родители детей отнеслись к данной ситуации по-разному: мама Эди, миссис Эндрос, посчитала возникшее положение простым недоразумением:

'Why, Ede,' she whispered perfunctorily, 'you bad girl!'

Ede put back her little head suddenly and laughed. It was a loud laugh, a triumphant laugh with victory in it and challenge and contempt. Unfortunately it was also an infectious laugh. Before her mother realized the delicacy of the situation, she too had laughed, an audible, distinct laugh not unlike the baby's, and partaking of the same overtones.

... Pressing her handkerchief to her mouth she giggled irrepressibly. It was more than nervousness – she felt that in a peculiar way she was laughing with her child – they were laughing together.

It was in a way a defiance – those two against the world.

Мама Билли, миссис Марки, усмотрела в этом инциденте совершенно иное – с ее точки зрения, поведение Эдди и последующая реакция ее матери недопустимы:

Mrs Markey's face had grown red with anger, and Markey, who had been feeling the back of the baby's head with one finger, looked at her, frowning.

'It's swollen already,' he said with a note of reproof in his voice. 'I'll get some witch-hazel.'

But Mrs Markey had lost her temper. 'I don't see anything funny about a child being hurt!' she said in a trembling voice.

Таким образом, приведенный текстовый материал подтверждает несоответствие действия (реакции) миссис Эндрос ожиданиям миссис Марки. Указание на несовпадение личных убеждений миссис Эндрос требованиями нормативной регуляции можно усмотреть в следующем пояснении автора «It was in a way a defiance – those two against the world».

В словарях языковая единица «defiance», используемая автором, трактуется как «refusal to obey a person or rule» (Macmillan English Dictionary); «strong resistance to opposition» (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

О наличии когнитивного диссонанса свидетельствует его маркированность в последующем речевом эпизоде:

'Get out!' cried Mrs Markey frantically. 'There's the door, get out – I never want to see you in our house again. You or your brat either!'

... Edith began to cry.

'I will get out!' she sobbed. 'I've never heard anybody so rude and c-common in my life. I'm, glad your baby did get pushed down – he's nothing but a f-fat little fool anyhow.'

Маркерами когнитивного диссонанса в приведенном выше материале является инвективная лексика, реализуемая коммуникантами: «brat (derog) – a child, especially one that behaves badly» (Oxford Advanced Learner's Dictionary), «fat – containing too much fat (in English it is not polite to say somebody that they are fat)» (Oxford Advanced Learner's Dictionary), «fool (derog) – a person who acts in a stupid or foolish way (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Когнитивный диссонанс, по определению, предполагает некое развитие. В новелле это развитие имеет свою реализацию в виде конфронтационного взрыва – драки отцов детей. На основе извлечения фактологической и имплицитной информации из дальнейшего текста, становится очевидно, что причиной возникновения конфликтной ситуации – драки отцов – является когнитивный диссонанс, который проявляется в глобальном непонимании, имеющем место между людьми, несовпадением их мнений и убеждений, интенций и ожиданий.

Вместе с тем, наличие ситуации когнитивного диссонанса в данном произведении является не только способом репрезентации особенностей созданных автором художественных образов, но имеет более глубинную основу и служит целям реализации основной идеи или ключевого концепта текста – показать разобщенность людей в обществе, искусственный характер взаимоотношений, навязанный социальными нормами и привычками. На искусственность отношений и разобщенность героев прямо указывает автор, используя соответствующие языковые единицы:

'What a peach of a mess!' he thought humorously. 'A dozen mothers, and each one looking at nothing but her own child. All the babies breaking things and grabbing at the cake, and each mama going home thinking about the subtle superiority of her own child to every other child there.'

... Edith stood near the door talking to Mrs Markey, and keeping an eye on the tiny figure in the pink dress. She did not care for Mrs Markey; she considered her both snippy and common, but John and Joe Markey were congenial and went in together on the commuting train every morning, so the two women kept up an elaborate pretence of warm amity. They were always reproaching each other for 'not coming to see me', and they were always planning the kind of parties that began with 'You'll have to come to dinner with us soon, and we'll go to the theatre,' but never matured further.

'Little Ede looks perfectly darling,' said Mrs Markey, smiling and moistening her lips in a way that Edith found particularly repulsive. 'So grown-up – I can't believe it!'

Edith wondered if 'little Ede' referred to the fact that Billy Markey, though several months younger, weighed almost five pounds more. Accepting a cup of tea she took a seat with two other ladies on a divan and launched into the real business of the afternoon, which of course lay in relating the recent accomplishments and insouciances of her child.

В этой связи особое значение приобретает анализ языковых единиц на семантическом, метасемантическом¹ и метаметасемантическом уровнях их функционирования².

Таким образом, когнитивный диссонанс в анализируемом художественном произведении служит целям реализации основной идеи текста, поэтому его можно считать одним из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства произведения словесного творчества. Иными словами, когнитивный диссонанс можно рассматривать как основной смыслообразующий компонент сюжетно-композиционного комплекса.

Вместе с тем, помимо когнитивного диссонанса, возникающего на уровне взаимодействия людей, нами установлен еще один уровень, где возможна реализация данного феномена: уровень диалога автор (адресант) – читатель (адресат).

Осуществление анализа когнитивного диссонанса на данном уровне требует уточнения понятий понимания и интерпретации художественного текста.

Проблема интерпретации художественного текста представляет собой одну из ключевых проблем современной лингвистической науки, главной задачей которой является изучение текстов различных типов и возможностей их толкований. Понимание как адекватная интерпретация речевого произведения представляет собой весьма сложный процесс, обусловленный множеством различных феноменов. В этой связи, следует подчеркнуть, что сама процедура интерпретации характеризуется наличием таких компонентов, как объект ожидания (например, текст, который ожидается после реализации данного высказывания; правдивость и доступность внутреннего мира автора) и обоснование этого ожидания.

Процесс создания текста предполагает наличие у автора определенного представления о том, каков у адресата объем знаний о предполагаемом предмете речи, т.е. объем информации называемый пресуппозицией или презумпцией.

Понимание художественного произведения предполагает не только внимательное следование читателя за развитием сюжета, но и умение понять замысел автора, ощутить эстетическое воздействие, оказываемое словесно-художественным текстом [2; 4, с. 176 – 177].

Обратимся к языковому материалу новеллы. Само название произведения «The Baby Party» передает читателю общую идею о содержании художественного произведения и устанавливает некоторые рамки того, что он может ожидать.

Начало новеллы полностью оправдывает ожидания читателя, заданные заглавием произведения. Актуализирующийся в концептуальной системе читателя кон-

1 В. Я. Задорнова отмечает, что «все в литературном произведении – намерение автора, его идеи, образы и т. д. – реализуется в словах. ... Понимание художественного произведения предполагает умение читателя не только воспринимать художественный текст как сумму значений составляющих его единиц, но и распознавать «двойственную» природу языковой единицы в художественном тексте, ее способность наполнять новым «поэтическим» содержанием. При этом создатель художественного произведения обязательно использует возможности языка специфически, только ему одному присущим способом» [5, с. 8 – 9].

2 «Если исследователь хочет проникнуть в подлинный смысл произведения, понять намерение писателя, ради которого использовались те или иные стилистические приемы, он должен анализировать произведение на метасемантическом уровне. Для этого необходимо тщательно изучить литературное направление, к которому принадлежит автор, его мировоззрение, эпоху, в которой написано произведение и т. д. Думается, что опираясь на анализ на первых двух уровнях и фоновые знания, исследователь в состоянии научно обосновать то метасемантическое содержание (идейное содержание), которое вложено в произведение автором» [Там же. с. 8 – 9].

цепт BABY PARTY в художественно-словесной ткани произведения репрезентируется следующим семантическим комплексом: «new pink dress», «four baby girls and nine baby boys, each one curled and washed with all the care», «cute», «pink little hand», «a large cake with two candles», «saucers of vanilla ice-cream», «white frosting» и др. Затем, по ходу повествования, выдвигается другой, противоположный предыдущему, концепт CONFLICT. Языковая репрезентация данного концепта находит свою реализацию в следующем семантическом комплексе: «a sudden wail», «the voices were loud and pitched high with anger», «a hysterical sob», «pushed him backward off his feet», «a terrible bump», «the child's badly hurt», «the insult in her heart», «to take out temper on a helpless little baby», «hot, angry eyes», «an awful bully», «pulled each other to the ground», «rushed at each other, both swinging wildly», «fought there», «torn and bleeding», «hurt internally» и др.

Именно в процессе актуализации концепта CONFLICT возникает когнитивный диссонанс на уровне диалога «автор – читатель», так как ожидания читателя не соответствуют представлениям о том, что он предполагал узнать. Возникает новый образ, не согласующийся по своему содержанию с предыдущим описанием.

В данном случае можно говорить о метафорической интерпретации концептуальных сущностей BABY PARTY и CONFLICT, переплетении и взаимодействии слов, имеющих своеобразную форму языкового выражения, что является весьма сложной проблемой, поскольку имеет место подмена смыслов на метафорическом уровне. Конфликт, описанный в произведении, представляется автором как детские ссоры на пустом месте. Концепты BABY PARTY и CONFLICT оказываются взаимозаменяемыми по содержанию в данных условиях контекста.

В этой связи уместно подчеркнуть тот факт, что при опознавании метафорических употреблений адресант находится в состоянии, когда очевидные несоответствия должны трактоваться не как сигнал того, что подбор понятийной сущности в целом невозможен, но как указание на то, что его следует проводить более тщательно (подыскивая интересные умозаключения) на основе других свойств [9, с. 66]. Задача читателя – разгадать скрытый смысл этих нарушений и в соответствии с этим воссоздать истинное намерение автора. Если этого не происходит, то возникает явление когнитивного диссонанса.

С целью уточнения роли ситуации когнитивного диссонанса как одного из основных смыслообразующих компонентом сюжетно-композиционного комплекса также целесообразно обратиться к произведениям Дж. Фаулза, в которых наиболее ярко представлены герои с полярно противоположными типами сознания.

Особый интерес может вызвать в этой связи наиболее известное произведение писателя «Коллекционер». Весь роман буквально изобилует ситуациями когнитивного диссонанса, возникающими между главными героями – Мирандой Грей и ее похитителем Фердинандом Клеггом. Автор намеренно включает в произведение значительное количество диссонантных ситуаций с целью показать несоответствие между когнициями персонажей – их знаниями, мнениями и убеждениями. Очевидно, что наличие этих ситуаций в словесно-художественной ткани текста необходимо и имеет особое значение для композиционного единства романа, поскольку именно композиционное единство определяет построение образов персонажей и характер их взаимодействия, а также своеобразие репликовых партий персонажей в строе повествования, и, как следствие, определяет идейную направленность произведения, его замысел и художественное содержание. Основная идея романа выстраивается и просматривается на сопоставлении контрастов: черного и белого, жизни и антижизни, любви и нелюбви.

Таким образом, посредством введения в произведение ситуаций когнитивного диссонанса автор выявляет противоположность внутреннего мира двух персонажей: индивидуалистическую замкнутость, сосредоточенность на самом себе Клегга, обусловленную всей уродливой системой воспитания в семье, а затем ролью «винтика» безликого механизма, и, с другой стороны, предельную «открытость» Миранды, внут-

ренную цельность ее природы, уважение к себе и другим, достигаемое приобщением к высшим эмоциональным и эстетическим ценностям – любви и искусству.

Возникновение когнитивного диссонанса также возможно на уровне диалога «автор – читатель», поскольку восприятие и понимание выбранного нами в качестве иллюстрации произведения требует обширного знания в области вертикального контекста, а также высокой филологической культуры читателя.

Прежде всего, необходимо отметить, что источником смысловых соотношений и аллюзий является шекспировская «Буря». Ассоциации с «Бурей» возникают с самого начала на уровне имен персонажей.

В романе «Коллекционер» героиню зовут Миранда, героя – Фердинанд Клегг. Фамилия Клегг очевидно восходит к «clegg – large swift fly which sucks blood of various animals» (The Free Dictionary), что означает овод, слепень, и вполне соответствует его сущности и согласуется с символическим рядом, связанным с насекомыми. Слепень, овод традиционно трактуется как насекомое, связанное с нечистой силой. Клегг коллекционирует бабочек и венец его собирательской страсти – похищение прекрасной девушки, которая неоднократно сравнивает себя в заточении с пойманной и посаженной на булавку бабочкой. Бабочка – древний символ души, Психеи. Это эмблема непостоянности, эфемерности, краткости жизни и счастья.

Противостояние Миранды и Клегга отражается также и в следующей игре имен: I have to give him a name. I'm going to call him Caliban»; «'Ferdinand,' she said. 'They should have called you Caliban'. Клегг сравнивается с Калибаном из шекспировской «Бури» – уродливым, злым дикарем. Доброе, светлое начало в пьесе воплощено в волшебнике Просперо и его прекрасной дочери Миранде, имя которой и получила героиня романа Дж. Фаулза.

В данном случае перед читателем стоит задача наиболее полно осуществить процесс понимания замысла автора – показать совершенно разные картины видения мира главными персонажами³. При этом очевидно, что «встречные интеллектуальные усилия» [7, с. 8] читателя предполагают определенную базовую общность его лингвокогнитивных ресурсов с ресурсами автора. Это положение опирается не только на наличие в сознании общих универсальных понятий, а также наличие хранимых в памяти конкретных специальных знаний, но и умение воспринимать эстетическое, духовное начало, лежащее в основе творческой деятельности вообще.

Анализ материала показал, что усилия автора в данном произведении направлены на активизацию способности читателя воспринять весь объем имплицитной информации в виде символизма имен, аллюзий и других видов интертекстуальных включений, входящих в систему «ключей декодирования литературно-художественного произведения» [3].

Отсутствие определенной базовой общности лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести к возникновению когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель», что в значительной степени препятствует непосредственному пониманию литературно-художественного текста без предварительной филологической подготовки.

В данном случае способами нейтрализации возможности возникновения когнитивного диссонанса, влекущего за собой коммуникативные неудачи в сфере диалога «автор – читатель», является наличие целого ряда «ключей» по интерпретации того или другого художественного произведения.

Наиболее распространенными приемами в подобном случае являются аллюзии, цитаты и другие типы прецедентных феноменов, сопровождаемые авторскими комментариями, пояснениями, ссылками и т. д.

Таким образом, явление когнитивного диссонанса может рассматриваться с точки зрения реализации структурно-содержательных особенностей английского

³ Л. В. Щерба отмечал, что «необходима большая опытность, литературная начитанность и тонкое знание языка, чтобы правильно произносить, или, что то же самое, правильно угадывать замысел автора» [12, с. 30].

языка в литературно-художественном стиле, которое служит целям реализации основной идеи текста. Это позволяет считать когнитивный диссонанс одним из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства. Иными словами, когнитивный диссонанс является основным смыслообразующим компонентом сюжетно-композиционного комплекса. Вместе с тем, важнейшей задачей в сфере литературно-художественного творчества является согласование концептуальных систем автора и читателя на основе процесса создания адекватной авторской картины мира в сознании адресата. Несогласованность лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести к реализации когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель».

Список литературы

1. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 111 – 126.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297 – 325.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 287 с.
4. Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного англ. яз. – М.: МАКСПресс, 2002. – 377 с.
5. Вишнякова О. Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 49 с.
6. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста: учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. – М.: Высшая школа, 1984. – 152 с.
7. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – М., 1968. – № 8. – С. 74 – 87.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. – С. 14 – 285.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
10. Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сборник статей. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 192 с.
11. Фестингер Л. Введение в теорию когнитивного диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 97 – 110.
12. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
13. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

COGNITIVE DISSONANCE PHENOMENA IN THE COTEXT OF A LITERARY ART WORK

T. V. Drozdova

*Tula
State Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
tanyazelenskaya@mail.ru*

The article is devoted to the role of cognitive dissonance as one of the structural and content components of a literary art work. The important task in the sphere of literary art is the coordination of the 'author – reader' conceptual systems on the basis of creating the author's adequate model of the world in the addressee's mind. A lack of coordination in the 'author – reader' lingual cognitive resources can course cognitive dissonance in the sphere of the 'author – reader' dialogue.

Key words: cognitive dissonance, cognition, speech interaction, interpretation, understanding, conceptual system, 'author – reader' dialogue.